

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII в.

В последние годы интерес к П. А. Вяземскому как поэту, критику и общественному деятелю значительно возрос. Вышли новые издания его стихотворений; В. С. Нечаевой впервые опубликованы с научной точностью и с обширным комментарием его «Записные книжки».¹ Новые тексты Вяземского находятся не только в этих изданиях, но имеются и в большой монографии Нины Каухчишвили «Италия в жизни и творчестве П. А. Вяземского».² Довольно многочисленные статьи в советских сборниках и журналах освещают разные стороны многогранной литературно-общественной деятельности П. А. Вяземского.³

О связях П. А. Вяземского с русской литературой и культурой XVIII в. говорится разрозненно во многих трудах, посвященных его критической и историко-литературной деятельности,

¹ П. А. Вяземский. Стихотворения. Изд. «Сов. писатель», Л., 1958. («Библиотека поэта», большая серия); П. А. Вяземский. Стихотворения. 3-е изд.; Изд. «Сов. писатель», М.—Л., 1962. («Библиотека поэта», малая серия); П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). Издание подготовила В. С. Нечаева, Изд. АН СССР, М., 1963.

² Nina Kauchschischwili. L'Italia nella vita e nell' opera di P. A. Vjazemskij. Milano, 1964, XI + 364 (Pubblicazioni dell' Università Cattolica del Sacro Cuore. Contributi. Serie terza. Scenize filologiche e letteratura 9). (Письма П. А. к сыну П. П. Вяземскому и другие опубликованные в первый раз тексты). Ср. того же автора: 1) Note sul «Gore ot uma» di A. S. Griboedov. — В журн.: «Aevum», 33, 1959 1/2, стр. 68—144; 2) Silvio Pellico e la Russia. Milano, 1963, 133 стр.

³ В качестве примеров назовем некоторые: М. И. Гиллельсон. Материалы по истории арзамасского братства. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 287—326; Ю. М. Лотман. П. А. Вяземский и движение декабристов. — Ученые записки ТГУ, вып. 98, 1960. Труды по русской и славянской филологии, III, стр. 24—142. Той же темы касается С. С. Ланда в статье «О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг. (Из политической деятельности П. А. Вяземского, Н. И. и С. И. Тургеневых, М. Ф. Орлова)». — В кн.: Пушкин и его время, вып. I. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 67—231.

включая и мою монографию,⁴ но отдельно данный вопрос еще не был рассмотрен. Для историка русской литературы эти связи Вяземского представляют, однако, некоторый интерес, так как в отношениях поэта и критика к «литературной старине» отражается восприятие творческого наследия XVIII в. в пушкинском поколении. Интерес П. А. Вяземского к русской литературе XVIII в. оставался живым вплоть до последних дней жизни: последняя его заметка, набросанная дрожащим уже почерком на смертном одре, относится именно к Державину и Хемницеру.⁵

Связи П. А. Вяземского с русской литературой и культурой XVIII в. многосторонни. Он выросал при жизни некоторых видных представителей русского классицизма и сентиментализма и поддерживал очень тесные и в некоторых случаях личные контакты с ними. В число таких связей входит и беглое знакомство с доживающим свой век Державиным, и очень близкая дружба с Карамзиным и Дмитриевым. Эти личные связи служили иногда поводом для публицистических и литературно-критических выступлений Вяземского, в числе которых можно упомянуть его некролог Державину (I, 15—21), но излюбленной для раннего Вяземского формой были предисловия к изданиям избранных сочинений других авторов. Эта «специальность» Вяземского неоднократно вышучивалась современниками. Так, например, Н. И. Надеждин его назвал «предисловщиком».⁶

В пору своей зрелости Вяземский из критика и «оценщика» русской литературы XVIII в. превратился в ее историка. В 1830 г. он написал первую монографию о русском писателе XVIII в., объемистую книгу о жизни и творчестве Д. И. Фонвизина.

Можно сказать, что Вяземский в течение всей своей жизни и творческой деятельности остался верен традициям XVIII в., был преемником его: больше всего это относится к аристократическому образу жизни и к характеру Вяземского. Идея *просвещения* очень важна для всего творчества Вяземского: именно в просвещении он видел самое важное и эффективное средство для исправления общественных и культурных недостатков России.

Верность Вяземского XVIII веку очевидна также в области литературных жанров и стилистических средств. Вяземский увлекался баснями И. Красицкого, апологами Дмитриева, высказывал пристрастие к колким эпиграммам вплоть до последних лет жизни. Не случайно Пушкин бросил многотолкуемое замечание о необхо-

⁴ G. Wytrzens, Pjotr Andreevič Vjazemskij. Studie zur russischen Literatur- und Kulturgeschichte des neunzehnten Jahrhunderts. Wien, 1961, 333 стр. (Verlag «Noting der wissenschaftlichen Verbände Österreichs»).

⁵ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. X, СПб., 1886, стр. 295—296. Дальше это издание цитируется в тексте: римские цифры указывают том, арабские — страницы.

⁶ Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Изд. Киевск. гос. унив., Киев, 1957, стр. 342.

димой «глуповатости поэзии» именно по поводу «рассудительных» стихов Вяземского. В поздние годы Вяземский не только пытается воскресить отживший «Александрейский стих» (1853 г.), он не только полемически воспекает «Тоску по запоздалому» (XII, 181—186, 1864 г.), но даже вслед поэтам XVIII в. пишет придворные стихи⁷ в 60-х и 70-х годах XIX в.

Вяземский неоднократно подтверждал свое хорошее знакомство с «литературной стариной», под которой следует понимать не древнерусскую, а именно русскую литературу XVIII в. Начитанность в писателях XVIII в. Вяземский мог приобрести в остафьевской библиотеке отца. Кроме французских книг, это богатое собрание (не сгоревшее в 1812 г.) содержало и все важные русские книги XVIII в.:

И вас здесь собрала усердная рука
Законодателей родного языка,
Любимцев русских муз, ревнителей науки,
Которых внятные, живые сердцу звуки
Будили в отроке, на лоне простоты,
Восторги светлые и ранние мечты.⁸

Критические высказывания Вяземского касаются почти всех признанных тогда русских писателей XVIII в.: он писал о Кантемире, Сумарокове, Ломоносове. Более подробные статьи или даже книги посвящены писателям второй половины XVIII в.: Фонвизину, Дмитриеву и особенно Карамзину. Из разбросанных по дневникам и письмам высказываний о последнем можно было бы составить целую книгу, довольно панегирическую.

Творчество Кантемира Вяземский в годы своих либеральных увлечений ценил очень высоко, особенно его сатиры, направленные не на двор и придворные круги, а на общество. Так следует и понимать парадоксальное на первый взгляд предположение «неуклюжего» с эстетической точки зрения Кантемира такому сравнительно блестящему мастеру стихотворной формы, каким был Ломоносов.⁹ «Поучительное и прекрасное зрелище открылось бы уму, если б тою же рукою (рукою Ломоносова, — Г. В.) изгонялись погрешности из языка (силлабическое стихосложение, — Г. В.) и предрассудки из общества.¹⁰ Ломоносов в роде сочинений,

⁷ Ср. по поводу этой его поэтической деятельности снисходительно-колкие замечания М. Н. Каткова (см.: «Русский архив», 1911, ч. 2, стр. 212) и возмущение И. С. Тургенева (см.: Н. Бельчиков в Тургенев и Вяземский. — В кн.: Документы по истории литературы и общественности, вып. 2, И. С. Тургенев. Госиздат, М.—Пгр., 1923, стр. 10—30).

⁸ П. А. Вяземский. Избранные стихотворения. Редакция, статья и комментарии В. С. Нечаевой, изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 129.

⁹ Ср. большую тираду Вяземского в рецензии на прозу Жуковского (I, 264—66, 1827 г.).

¹⁰ Отметим, что такое употребление слова «предрассудки» в смысле политическо-социальном не только пример для своего рода «эзоповского языка», но и весьма характерно для мышления именно XVIII века.

им избранном,¹¹ мог действовать только в чисто литературном, а не гражданском смысле» (I, 265).

Такое «низвержение» Ломоносова, напоминающее дух «Литературных мечтаний» Белинского, вызвало протест «эстетической» критики. В «Московском вестнике» Шевырев писал по поводу общественно-сатирического направления поэзии: «Не такова цель сего благородного искусства».¹²

«Закиданного грязью» В. К. Тредиаковского Вяземский попытался переоценить в своей записной книжке 1829 г. Вяземский положительно оценивал его реформу стихосложения. Аристократически-просветительские взгляды Вяземского сказались лишний раз в такой оценке Тредиаковского: «Его мысль ... что научат нас искусно им (русским языком, — Г. В.) говорить и благороднейшие министры и проч.: очень справедлива. Он чувствовал, что письменный язык один есть мертвый».¹³

О Ломоносове Вяземский в начале своей литературной деятельности, т. е. в эпоху своих наиболее «левых» убеждений, отзывался несколько пренебрежительно.¹⁴ Следует, однако, отметить, что как раз в раннем творчестве Вяземского имеются совершенно явные следы ломоносовского «высокого стиля». Высмеивая в рядах Арзамаса торжественные оды членов Беседы, Вяземский сам их писал (ср., например, «Негодование», «Петербург»),¹⁵ с совершенно противоположной, разумеется, идеологической точки зрения, не с придворно-официальной, а в духе декабризма.

Более справедливо, т. е. положительно, оценил Вяземский поэтическое творчество Ломоносова тогда, когда обращался к чисто литературным фактам, как это имело место, например, в уже цитированном стихотворении «Библиотека» 1817 г.:

Сколь часто, весь не свой, заслушивался я,
Как гула стройных волн, иль песней соловья,
Созвучья стройных строф певца Елисаветы.¹⁶

Сумарокову Вяземский посвятил специальную статью в 1830 г. К Сумарокову как художнику слова Вяземский отнесся резко от-

¹¹ Вяземский, кажется, здесь имеет в виду придворные оды.

¹² Цит. по кн.: М. Г. Зельдович и Л. Я. Лившиц. Русская литература XIX в. Хрестоматия критических материалов. Изд. «Высшая школа», М., 1964, стр. 228.

¹³ П. А. Вяземский. Записные книжки, стр. 200—201.

¹⁴ См.: там же, стр. 20. См. и пародию строк «Вечерного размышления» в письме Вяземского к А. И. Тургеневу (Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, СПб., 1899, стр. 263) или утверждение, что метафора Ломоносова «Заря багряною рукою» (из «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны», 1748 г.) напоминает ему красные руки прачки!

¹⁵ Ср. из еще более раннего периода стихотворение «На открытие в Москве дома Российского благородного собрания» (III, 88—90), ломоносовские и державинские параллели которого указаны в моей монографии (G. W u t z e n s. Pjotr Andreevic Vjazemskij, стр. 258, прим. 142).

¹⁶ П. А. Вяземский. Избранные стихотворения, стр. 129.

рицательно: «Он ни в чем не оставил нам уроков ... язык его, слог его, формы его ... — все это в наше время почти без цены» (II, 166). Тем не менее Сумароков для Вяземского «одно из замечательнейших лиц в литературе нашей» (там же). Сам участвовавший в полемике вокруг «литературного аристократизма» и «торгового направления», Вяземский ценил в Сумарокове прежде всего страстного полемиста. Но и тут «раздражительный», «вольтеровский» характер Сумарокова как полемиста стоит гораздо выше отживших предметов его полемик.

Под конец своей статьи Вяземский о Сумарокове отзывается более положительно: «Если Сумароков не был гениален, то в свое время он был, без сомнения, очень умный и талантливый писатель, и в этом отношении, вероятно, выше всех своих современников и совместников» (II, 173). Больше всего Вяземский в Сумарокове ценил, что тот «первый внес себя и окружающую жизнь в литературу свою» (там же). С этой точки зрения Вяземский опять упрекает Ломоносова: «Ломоносов с своими одами царствовал на Олимпе, многим недоступном; в кабинете учеными трудами своими был он равно вдалеке от текущей жизни и почти вне ее» (II, 174). Важное значение для развития русской драмы Вяземский приписал тому обстоятельству, что в области трагедии Сумароков выбрал для своих подражаний французов, а не англичан.¹⁷ Отметим еще, что в 1829 г. Вяземский хотел издать два тома избранных сочинений его и думал «извлечь» самое ценное из обширного наследия Сумарокова.¹⁸

Как известно, Вяземский написал о Фонвизине целую книгу, первую, кажется, монографию вообще, посвященную русскому писателю. Нельзя, конечно, предъявить к этому труду, возникшему в 1830 г., требования современной научной методологии. Вяземский никогда ученым не был. Он остался писателем-эссеистом и в своей книге о Фонвизине. Кроме эссенцистической части, посвященной не только жизни и творчеству Фонвизина,¹⁹ но и характеристике времени Екатерины II вообще, книга Вяземского содержит и документальную часть. Последняя сохранила свое значение до настоящего времени, хотя автор новейшей монографии о Фонвизине, Г. П. Макогоненко, указал на произвол в обращении Вяземского с архивными и другими материалами.

От автора книги о Фонвизине следовало бы ожидать, что в какой-то мере он будет восхищаться предметом своей литературно-исторической деятельности. Оказывается, однако, что Вяземский отнесся довольно скептически к заслугам и достоинству

---

¹⁷ См.: П. А. Вяземский. Записные книжки, стр. 38. Там же меткие наблюдения и оценки Сумарокова с эстетической точки зрения (стр. 43—44).

¹⁸ Там же, стр. 144 и 421.

¹⁹ См. перепечатку в кн.: Русская поэзия, вып. V. Под ред. С. А. Венгерова, СПб., 1895, стр. 853—869.

своего «героя».²⁰ Вяземский считал Фонвизина более или менее случайным, исключительным явлением. Воспитанник французского классицизма и энциклопедистов, он в литературе ценил прежде всего ее общественное значение; гениальные личности для него менее существенны, чем широкое воздействие «république des lettres» на целое общество.²¹ Особенно Вяземскому не нравилось пренебрежительное отношение автора «Недоросля» к французам.²² С точки зрения общественной значимости литературы и уважения к авторам понятна положительная оценка писательской деятельности Екатерины II (I, 113). Из-за воздействия на общество Вяземский высоко ценил «Ябеду» Капниста. Подытоживая в своей книге о Фонвизине развитие русской комедии, Вяземский посвятил несколько строк творениям Лукина и Веревкина. К первому Вяземский отнесся резко отрицательно, ко второму несколько более благосклонно («человек умный и образованный: язык и слог его показывают писателя довольно искусного; но комедия его вовсе без драматического действия», V, 126).

В системе литературных жанров XVIII в. басня занимала очень видное положение (ведь она давала возможность «просветить» читателя). Сам Вяземский писал басни (наиболее удачны, пожалуй, его пародии на Д. И. Хвостова) и очень часто высказывал свои суждения о русских баснописцах XVIII в. Выше всех, включая сюда и басни Крылова, Вяземский ценил басни и аполги И. И. Дмитриева. Такое предпочтение несколько жеманного Дмитриева сочному Крылову было обусловлено «изысканным» вкусом Вяземского и, может быть, также тесной личной дружбой с Дмитриевым. Современники (например, Пушкин) упрекали Вяземского за такое предпочтение или вышучивали его (например, Н. И. Греч).²³

²⁰ Наиболее резкое суждение находится в письме к А. А. Бестужеву, написанном в начале работы над биографией Фонвизина (1823 г.): «... За исключением „Недоросля“, двух или трех сатирических мелочей и статьи, известной под названием „О необходимости законов“, все, что ни писал он, весьма посредственно» (Русская старина, 1888, № 11, стр. 316).

²¹ См. замечание Вяземского в первой записной книжке: «У нас один истинный комик, Фонвизин, и то в одной комедии, а у тех существует театр народный» (VIII, 3). Такое «социологическое» понимание воздействия литературы на публику вместе с весьма лестными отзывами Вяземского о Вольтере дало повод одному из немногих рецензентов книги, И. Ф. В-н-у (далекому родственнику Фонвизина) упрекать Вяземского в пристрастии к энциклопедистам. В качестве защитника благонамеренности книги выступил С. П. Шевырев (подробнее об этом эпизоде в кн.: Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, СПб., 1897, стр. 343—345).

²² См. особенно защиту энциклопедистов и упрек Фонвизина в односторонности и недалёковидности (V, 83—84).

²³ Данному вопросу посвящена специальная статья: П. И. Збандуто. Борьба Пушкина за народность русской литературы в период южной ссылки. (Полемика Пушкина с Вяземским о народности Крылова-баснописца). — В кн.: Пушкин на юге. Госиздат МССР, Кишинев, 1958, стр. 179—194. Автор неологизма «народность», Вяземский, отрицал, однако, возможность народности как раз в баснях.

В области реформы русского литературного языка Вяземский приписывал Дмитриеву заслуги, равные по значению заслугам Карамзина; что Карамзин сделал для русской прозы, то Дмитриев будто бы сделал для русской поэзии. В 1821 г. он даже назвал Дмитриева «верховным жрецом Аполлона».²⁴ Вяземский отмечал у Дмитриева «правильность языка, красоту слога, свободу стихосложения, верный вкус, ум острый и замысловатый, воображение не стремительное, но живое, насмешливость не язвительную, но колкую, совершенство отделки и вообще тот глянец искусства, который ... придает последний блеск красоте» (I, 149).

В своих оценках писателей XVIII в. Вяземский стремился отыскать положительные стороны в их творчестве. Огульно отрицательные высказывания встречаются у него редко. К авторам, не возбудившим почти никакой симпатии у Вяземского-критика, принадлежал, пожалуй, М. М. Херасков.²⁵

Можно сказать, что Карамзин-литератор принадлежит еще русской литературе XVIII в., между тем он как историк должен быть отнесен к XIX веку и не только по хронологическим соображениям. Пользуясь неологизмом самого Вяземского, можно утверждать, что он «идолопоклонствовал» перед Карамзиным-историком и Карамзиным-человеком. Всякая попытка даже весьма умеренной критики «единственной истинно государственной, народной и монархической книги» (т. е. «Истории» Карамзина) вызывала у Вяземского пламенное возмущение. К Карамзину-поэту и создателю «чувствительных» повестей Вяземский отнесся довольно сдержанно. О стихотворениях Карамзина Вяземский, например, писал в статье 1866 г.: «Что ни говори и как о них ни суди, но в свою пору были они не без значения (курсив мой, — Г. В.) и не без самобытного достоинства» (VII, 150).

Далеко не исчерпав свою тему, мы на примере П. А. Вяземского только хотели показать одного из первых деятелей, занимавшихся изучением и оценкой литературного наследства русского XVIII века на том поприще, на котором в наши дни так блестяще подвизается наш юбиляр — П. Н. Берков.

---

²⁴ «Русский архив», 1866, стр. 1711.

²⁵ Ср. такие оценки: «... большая часть из них (сочинений Хераскова, — Г. В.) отличается скудостью мыслей и слабостью изобретения, но притом и легкостью в стихосложении и свободой в рассказе» (I, 135); или: «посредственное в Хераскове было бы лучшим в Николеве, а лучшее Хераскова обыкновенным в Державине» (там же, 139).